

ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ ЗАМЫСЛОМ

Чтобы поверил молодой зритель

Самый ненужный вопрос на свете: «Над чем работаешь, старик?». По неопытности начнешь отвечать — жди иронической усмешки («Было!»), вежливой скуки («Кому это надо?!»), приторного участия («Неудача!»).

Самое страшное, что, глядя на печатные свои страницы, на свою последнюю работу, ты яснее всех понимаешь: было, никому не нужно, не позорься. И все же наедине с собой, на художествах, обсуждениях рождается упрямая воля доказать нужность, масштабность, современность, острую проблематику твоей работы, защитить своих героев. В конечном итоге твои умные мысли никому не нужны — «экран покажет». Жестко, верно. Но до того, как запуститься в производство, так иногда много и долго приходится отчитываться, что кажется тебе очевидным. Да и экран всегда представит зрителю сокровенные мысли автора, его, авторского, героя.

Сценарий будет называться «Взломщик», подростковая тема. Сразу, как у героя Булгакова, начинают ворочаться обидчивые мысли: «Марку Твену не говорили, что «Гекльберри» — подростковая тема, никто не принимал «Отрочество» Толстого за детскую книжку!» Убежден, та литература настоящего детства, которую с удовольствием прочтет умный взрослый.

«Большая американская литература началась с «Гекльберри Финна», — думал Хемингуэй. Это к тому, какие проблемы под силу литературе и кино для подростков.

От огромной сложности, необъятности проблем нового поколения рождается мысль, иногда неосознанная, сузить угол рассмотрения поколения в целом, глянуть как бы поострее, но и полечче. «Проблема нравственного взросления», «поиски своего места в жизни», «проблема «трудных», «проблема переходного возраста». Сузив и заострив проблему, неизбежно выбираем точку зрения: умилительную — для «переходных», социальную — для «трудных», поэтическую — для «нравственного взросления». Хотя сами по себе живые ребята никоим образом не трудны сами для себя (чаще всего и для сверстников), переживания по поводу собственного переходного возраста, мягко говоря, несколько преувеличены (на мой взгляд, переход к зрелости гораздо драматичнее), а «взросление» — ни один человек не может определить границ этого явления.

Объясняя молодость «снаружи», с «углов и ракурсов», мы отбираем вину, радость, горе, счастье у персонажей (зрителей!), перекладываем на туманные, всемогущие силы. Проще вину с личности переносим на возраст, ответственность перед собой делим поровну между семьей, школой, двором, компанией.

В каждой работе о подростках и для них должна присутствовать одна большая тема — тема поколения, идущего нам на смену.

Задумываясь о проблемах нравственных, социальных, неизбежно приходишь к проблеме художественной. Как, какими приемами, с каким героем разобрать трудные вопросы молодого бытия, тревожных проблем наших с ним отношений? Как сделать, чтобы тебе поверил молодой зритель, чтобы взрослый открыл нечто новое для себя в традиционно снисходительном, часто отрицательном отношении к молодому?

На мой взгляд, попытаться уйти от устойчивых оценок «со стороны», попробовать охватить это противоречивое, на наших

глазах рождающееся бытие и взглянуть на него изнутри, сжиться с ним. Вспомните, наши деды жили до революции и передали нам сами, через отцов, матерей и нравственные ценности, и предрассудки, уходящие корнями в тысячелетия. Молодые более свободны, независимы от этого. На наших глазах происходит техническая революция. Академик Вернадский по масштабам сравнивал последствия ее в области нравственной с переходом от язычества к христианству.

Молодые меньше читают. Да и не молодые уже инженеры пишут в газеты: «Даешь видеокассету вместо книги». Можно с порога сказать — «неучи!». Можно принять крайние стороны такого отношения за выражение, возможно, нового объективного явления. Мы добродушно ворчим на себя, что меньше ходим в гости, а после нас не останется и сотни писем к друзьям. А ведь это явления одного порядка — новые коммуникации.

Материальное благополучие, потребление. Все согласны — мы стали жить лучше, завтра будем еще богаче. Иные блага сформировали иную психологию сегодняшнего человека, система материальных ценностей изменилась. До сих пор не утихает яростная борьба против штанов, их называют «джинсы». Но в том-то и различие между поколениями, для кого-то — штаны, для кого-то положение в обществе, престиж и т. д. А не взяты ли за задачу посложнее — надо учиться самим и учить молодых искусству жить в благополучной жизни?

Это очень непросто. Ведь не сырое житие, а трудности чаще выявляют в человеке лучшее.

Один из героев сценария так и представляется мне — с гитарой, в расписной майке, с музыкой в голове. Узнаете? «Отрицательный», «неблагополучный», «трудный». Нет. Обычный. Просто тропки, по которым он идет в жизни, набираясь своего опыта, нам, взрослым, известны тем, что опасны. За него страшно, как за мальчишку, впервые путешествующего по громадному городу: хулиганы, трамвай, плохие люди.

Музыка. Как понять ее огромное влияние на жизнь сегодняшних молодых людей? Она вошла составной частью в их обиход. А до сих пор слышатся вздохи: «Раньше было песен мало, но хорошие», «Раньше их пели все, а сейчас не поют». По такой логике надо отменить плохие телепремьеры и оставить хорошие и крутить их, «чтоб все знали».

Осваивать и направлять новое, рука об руку с молодыми решать возникающие проблемы труднее, чем поучать. Акселерация, возросший интеллект молодежи, как везде говорят, это еще и умение подыграть на словах, показать — «осознал», «понял», а сделать по-своему, организовать по-своему, наглухо отгородившись от наставлений в неформальную, но свою компанию.

Телевидение предложило трем прохожим — паренькам, ответить на вопрос, что бы они сделали, если бы у них образовалась некоторая сумма денег. Первый, пойманный врасплох, выпалил: «Магнитофон». Второй, успев сообщить на ходу: «Я бы путешествовал». А третий, уже совсем освоившийся в ситуации, бойко доложил: «Купил бы книги». (Какие, где?!) Первый бедолага смотрел на приятелей с завистью, все хотел вставить, что хочет купить маме подарок. Товарищи смотрели на него сочувственно, как на нару-

шителя правил уличного движения.

Теперь о положительном герое. Что значит вывести его на экран не придуманного, угаданного в жизни, узанного зрителями и только тогда действительного? Это значит, зритель выходит из зала и говорит себе удовлетворенно: «А ведь я тоже герой в некотором роде. Вон и одеваюсь так, мыслю одинаково, живем похоже, может, на такой поступок сил не хватит, но поступок одобряю». Наввно, глупо? Нет. Герой, который заставляет зрителя трепетать перед высотой своих помыслов и свершений, щеголяющий начитанностью, в конечном итоге может произвести на зрителя впечатление, обратное тому, что задумывалось. Человек должен относиться к себе с уважением, а мы иногда это его уважение рубим на корню: «Не дорос». А он, живой зритель, думает: «Пусть играют себе там, а мы уж как-нибудь сами. Может, где-то и живут такие замечательные люди, а у нас обычно». Ему, зрителю, говорят: «Ты рожу-то не вороти, подражай, становись лучше!» — «Милые мои! — воскликнет зритель. — Куда ж нам в калашный ряд? У этого героя и душа, и мысли, и одежда — где только достал, любимая — красавица, да и друзья, прямо скажем, не как у меня...»

«Товарищи дорогие! — написала девочка на студию. — Скажите, где существуют такие классы, как у вас в кино?»

Одно из самых сильных разочарований детства, потом юности, первой любви и всего первого в жизни — это что у тебя не так, как в кино, «как у людей», как положено, как в книге. Беденько, серо, чувств никаких, отец не такой уж мудрый, «как надо», школа обычная, учителя нормальные. Пройдут годы, человек вспомнит уже не ряд событий, не календарные годы — к нему придет понятие «юность».

Когда мне говорят, что надо помочь молодым найти себя в жизни, я думаю не о том, какие у человека отметки по русскому, какую профессию он избрал или изберет, полюбит или расстанется. Найти себя в жизни — значит соотнести свои помыслы, «притязания» к жизни с самой жизнью, на самом деле более прекрасной, чем самые мудрые мысли о ней.

Расхожая фраза, часто звучащая с издевочкой: «Главное, чтоб человек был хороший». Еще немного времени назад почти все родители, думая вслух о своих детях, тревожились не за их карьеру, квартиру, профессию. Вздыхали: «Главное, человеком бы вырос хорошим». Сейчас стесняются сказать так. Вроде «хороший человек» — чудак, «чудной», как обидно говорили в деревне. В ходу теперь фразочка: «Хороший человек — не профессия». Думается, хороший специалист — только профессия, костюм, неживая ткань.

Вот и все размышления о сценарии «Взломщик», который пишется для Динары Асановой. Разговоров об академике Вернадском, коммуникациях там нет. Есть семья без матери — отец и два брата, но сценарий не про сиротство. Есть кража — история некриминальная. Братя, один в ПТУ, другой в институте, занимаются в самодеятельности музыкой, но сценарий не о музыке. Есть немного любви — это не про любовь. Сценарий обо всем, что написано в этих заметках, и еще о том, что удастся прочитать в нем режиссеру.

Валерий ПРИЕМЫХОВ.